

Владимир Краев

С Т И Х И

Стегалоооо, стонет эхо

В пространствах и безднах тела,
И память пощечины сердцу наотмашь,

И - в голос,

И в голосе -

Перепутаны волосы с лесом,

Плес пропитан елезамы,

С плеском смешались глаза.

Дети были мы - боги.

Были ли, есть ли, как бывшие боги?

Или бритвой реки перерезала жмы тогда еще нам,

Когда - дети - не знали любовной опасности мы

И яблоки ели, и так познавали друг друга,

И, теща тела, не скрывали невинности нашей.

х х х

С К В Е Р

Здесь воздух так неподвижен

И плотен, налитой тяжелым желтым светом,

Что насекомые, кажется, обладают чудовищной

силов,

Когда рвут его ткани в полете.

И с трудом поднимаю руку...

Медленно, как облака, мимо снова плывут.

Округлы, красны и прозрачны тела их,

И мерцают мучительной мудростью

Ленинградских старух.

И когда я с трудом поднимаю руку,

Чтобы взять их и рассмотреть поближе,

Они уходят, оставив в душе

Не боль,

А подобие боли...

МОЛИТВА ЕВАНГЕЛИСТОВ-ХРИСТИАН

У отца воспаление veins!
У сына большое сердце!
Внучка сломала ногу!
Диабет у бедного мужа!

Иисус, ты можешь, помоги!
Иисус, ты добр, спаси!
Иисус, мы молимся, спаси!
Иисус, ты всемогущий, помоги!

В среду операция у брата...
Мать больна и на восьмом десятке...
Дети у сестры болеют корью...
У жены водянка не проходит...

Иисус, ты можешь, помоги!
Иисус, ты добр, спаси!
Иисус, мы молимся, спаси!
Иисус, ты всемогущий, помоги!

Храм евангелистов
Таллин

х х х

Какой-то дряхлый человек,
В потертых брюках,
В старой шляпе,
Трясущейся рукой
Достал из пачки сигарету.
Он закурил
И кашлять принялся
надрывно.

А сквер уже пересекал,
А он все кашлял, кашлял, кашлял,
И пепел сыпался ему на ботинки,
И солнца тусклый луч блестел
В бессмысленном его глазу.

Существо ты ивнженное, ты ивнмог,
Отдохни, утомительны эти картины,
Отдохни, /или нет?/, отдохни.

Взмах меленой руки похожим на дерево делает
Тело твое,
И ты бьешь по щекам уличный ветер, ветер,
Ветер, может zase об станет?
Взмах меленый руки.

Наскучив стоять над каналом,
В котором краски заката
Венчут любовные бредни холодным камням,
Врсаешься вниз, дробясь на дробящие знаки,
И плянешь каждой частицей разбитого тела.
Не любят тебя? А плянешь, и плянешь, и плянешь.

О краски заката!
Разум, я знаю, надо раздеть,
Посмотрите, он гол, посмотрите,
Он свнух в гареме роскошном вселенной!
Так спляшем еще... /или нет?/
И уходись.

А по улице бледной навстречу -
Простигутка-несчастье. Отвислые груди
И накрашенный рот.
Вд бы только лизаться с нами
И считать сердца ассигнации. Знает она или нет,
Что давно обесценена эта валюта.
Возьми, - говоришь ты, - возьми и отстань...
Звезды сверият под ногами. Куда же? Нет.

х х х

х х х

Летний полдень.

Лениво переваливает солнце

Через зенит.

И каблуки стучат по мостовой,

Как маятник по телу времени, упруго.

Улыбки и прически, позы, жесты...

Бесцельно

Я прохожу пространство.

Эрмитаж.

За стеклами, на полках, на витринах

Застыло время. На табличках

Написано, когда оно сгустилось и

Образовало чашу и шандал,

Атлета величавую фигуру

И бога с кучерявой бородой.

Здесь время наизледило антипедов

Своих. Все это скопище вещей

Потщилось время упразднить

И утвердить мгновенье,

Когда коснулась их в последний раз

Рука создателя.

"Всегда"

В склянине любовном с "никогда".

х х х

Какой тревожно-желтый яркий день!

И пусто так, и мертвенно, и темно,

И тени черные...

От тени отделилась тень

И вышла предо мной... Не помню --

Она сказала что-то, за руку взяла

И подвела к своей немой общине.

Взлетели надо мною два крыла:

Две черные морщины.

х х х